

Монархия и реформы. Политические взгляды Н.И. Панина

Сергей Викторович Польской

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
s.polskoy@gmail.com

Рецензия на книгу: Бугров К.Д. Монархия и реформы. Политические взгляды Н. И. Панина. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. 272 с. (серия «Из истории России»)

Деятельность Никиты Ивановича Панина (1718-1783), государственного деятеля, оказывавшего существенное влияние на формирование внутренней и внешней политики России в 1760-1770-е гг., неоднократно становилась предметом внимания историков. Его проект создания Императорского совета и реформы Сената 1762 г., а также «Рассуждение о непременных государственных законах» 1783 г., являются центральными текстами для исследователей политической мысли в России второй половины XVIII века. Обсуждение политической позиции Панина остается дискуссионной темой в отечественной и зарубежной историографии. В 1975 г. была опубликована классическая работа Дэвида Рансела «Политика в екатерининской России: панинская партия»¹, которая стала важной вехой в изучении не только деятельности Панина, но и в целом русской истории XVIII века. Новая монография о Никите Панине, вышедшая сорок лет спустя из под пера екатеринбургского историка Константина Дмитриевича Бугрова, вновь возвращает нас к проблематике политической истории XVIII века. Хотя автор новой книги прямо не оппонирует к работе своего предшественника, структура его текста, его методы и, наконец, заключения во многом отталкиваются от единственного, до последнего времени, монографического исследования политических взглядов Панина. Так К. Д. Бугров заменяет хронологическое изложение проблемным, и кардинально пересматривает вопросы о «конституционализме» Панина и «драме реформатора», обозначенные американским историком.

Книга К. Д. Бугрова включает в себя десять глав, объединенных вокруг трех ключевых вопросов: в первой части анализируется историография, источники и методы исследования, во второй автор представляет читателю «реформаторские проекты» Н. И. Панина в историческом контексте, анализируя их содержание и связь с политической борьбой, разгоревшейся вокруг них, и, наконец, третья часть посвящена изучению «лексикона» панинских проектов. Подобное разделение позволяет К. Д. Бугрову рассмотреть взгляды Н. И. Панина в разных плоскостях и выявить их контекстуальные особенности.

Уже на страницах *Предисловия* автор ставит перед читателем провокативные вопросы, на которые он пытается дать ответы на страницах своего насыщенного информацией, хорошо и доступно написанного исследования, что само по себе ценно. Отталкиваясь от «общих мест» традиционной историографии, заставляющих «политическую мысль второй половины XVIII в. выглядеть набором

¹ Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven: Yale University Press, 1975.

банальностей», К. Д. Бугров пытается уйти от «оценочных характеристик реформаторских проектов» к тщательному анализу их содержания. В частности, он полагает, что подобный анализ позволит понять как должны быть заданы исследовательские вопросы к политическим текстам прошлого, «чтобы ответы на них обладали релевантностью» (с. 5).

Первая часть монографии вводит нас в проблематику книги и автор называет ее «Метод. Как изучать реформаторские проекты?». Здесь он демонстрирует, каким образом исследователи рассматривали проекты Панина и в чем состоит коренное отличие его подхода к этим текстам. К. Д. Бугров предлагает использование методов «кембриджской школы» для изучения отечественной политической мысли, однако, существенной особенностью является, по его мнению, отсутствие в России XVIII века политических практик, свойственных Европе раннего Нового времени. Так, в отличии от английских или итальянских политических авторов, российские мыслители не имели возможности публичного обсуждения своих идей и практически не прибегали к трактатной форме, отсюда проистекает своеобразие источников с которыми приходится иметь дело историку, К. Д. Бугров смело объединяет все сочинения Панина в «трактат из докладных записок», полагая что все проекты и записки государственного деятеля связаны не только общими идеями, намерениями и интенциями, но также имеют единый концептуальный язык – определенный лексикон, расшифровав который возможно понять суть мыслей Панина и «правильно» прочитать его тексты.

Автор дает в *первой главе* обширный и интересный историографический очерк, его оценки в целом взвешены и продуманны, но при обзоре зарубежной историографии он удивительным и необъяснимым образом не упоминает книгу Дэвида Рансела, хотя, конечно же, прекрасно знает о ней, периодически вступая в дискуссию с американским ученым на страницах своей работы. Завершая свой историографический анализ ожидаемым утверждением о том, что «исследовательские интерпретации не отличаются разнообразием, оставаясь в рамках традиционной парадигмы, заданной еще в XIX веке», автор, пытаясь выйти из замкнутого круга оценок, обращается во *второй главе* к описанию метода, подчеркивающего новизну его подхода. Он прямо заявляет, что ориентируется на методы и приемы «кембриджской школы» истории понятий: К. Скиннер и Дж. Покок проложили тот путь, следуя по которому можно изучать тексты в их историческом контексте. Подход кембриджских историков предполагает, что восстановление исторических значений в конкретном тексте необходимо для его верного понимания, но подобная процедура невозможна без реконструкции интеллектуального, лингвистического и понятийного контекста, в котором возник изучаемый текст. Подобный подход «предполагает отказ от представления о политической мысли как наборе «вечных тем», неизменных констант или конституирующих субъектов...» (с. 29). Наоборот, тексты приобретают свое уникальное звучание только в контексте исторических обстоятельств, в которых они возникли. Политика, таким образом, понимается как процесс коммуникации и предполагает использование слов и понятий, суть которых также раскрывается только в процессе коммуникации и в том контексте, в который помещены данные слова. «Политическое понятие» становится центральной смыслообразующей единицей исследования, оно проявляется в «лексиконах конкретных акторов и приобретает значение в процессе легитимации (либо делигитимации) тех или иных властных практик» (с.32). При этом автор отмечает, что процесс

реконструкции значений понятий не сводится к поиску рецепций и «встраиванию» концептов в рамки определенных интеллектуальных традиций. Необходимо восстановить тот социальный контекст, в котором функционировал автор, его интенции всегда связаны с определенным кругом лиц, к которому он обращался. Для Никиты Панина это был императорский двор и, прежде всего, сам монарх. Основываясь на данной стратегии, Бугров выстраивает три уровня исследовательских задач: от «реконструкции словоупотребления» в текстах Панина к «реконструкции интеллектуальных связей» (то есть связи текстов Панина с другими политическими текстами эпохи) и, наконец, третья контекстуальная реконструкция подразумевает «анализ связей между текстами и соответствующими историческими реалиями».

В *третьей главе* автор предлагает собственную классификацию источников: центральными источниками являются реформаторские проекты Панина, от них отделены во вторую группу тексты Никиты Ивановича, «не входящие в круг реформаторских проектов», и, наконец, третью группу источников составляют тексты, «позволяющие реконструировать исторический контекст создания Н. И. Паниным реформаторских проектов». Подобное выделение определено проблематикой работы и принципиально очерчено автором. По его мнению, третья группа «внешних источников» непригодна для реконструкции воззрений Панина, поскольку эти источники обладают «собственными коммуникативными целями» и их использование ведет историка к недопустимому соблазну «додумать» тексты первой группы, навязать несвойственные им смыслы. Подобный гиперкритицизм автора ведет его к недоверию сообщениям иностранных дипломатов и русских мемуаристов, описывавших позиции Панина по отдельным политическим вопросам. Только тексты, вышедшие из под пера самого обер-гофмейстера, обладают высокой степенью достоверности для восстановления его взглядов. При этом автор по разному использует показания источников третьей группы, слова Панина, записанные Семеном Порошиным в его знаменитом дневнике, он принимает на веру без оговорок, а вот высказывания Панина, зафиксированные французскими дипломатами Беранже или Бретейлем, не вызывают у него доверия.

Вторая часть носит ключевой заголовок, смыкающийся с названием книги - «*Реформа. Институциональное оформление власти монарха*»: четыре главы данной части выстроены вокруг проблемы совета при монархе и обсуждения его функций, которая поднимается не только в проектах Панина, но и в различных политических сочинениях 1750-1760-х гг. В *четвертой главе* рассматривается роль Панина в заговоре, приведшем Екатерину II к власти, и его участие в политической жизни при Петре III. К. Д. Бугров утверждает, что «мотивировка вступления Н. И. Панина в ряды заговорщиков остается неясной», и пытается доказать наличие «единства концептуально-политического пространства России рубежа 50-60-х гг. XVIII в.» Основным мотивом этого единства выступает идея императорского совета, появившаяся еще в середине 1750-х гг. и продолженная рядом проектов А. П. Бестужева-Рюмина, Д. В. Волкова, М. И. Воронцова и др., о которых автор подробно говорит в *седьмой главе*. Особое внимание он обращает на анонимный проект, опубликованный в 1859 г. П. Н. Даневским, озаглавленный «План (несостоявшийся) или Росписание учреждаемого вновь при дворе из 4 департаментов имеющего быть Совета с назначением кому быть министром, и кому статским секретарем», указывая на его близость идеи Совета, изложенным позже Паниным в своем проекте. Сходство, прежде всего, выражено в наличии должности статс-секретарей

с функциональной специализацией в определенной сфере управления. Это позволяет автору утверждать, что «концепция Императорского совета Н. И. Панина была в целом сформирована, более того – предназначена к реализации до переворота 1762 г., еще при Петре III» (с.65). Подобное заявление, основанное исключительно на идее функциональности статс-секретарей, вызывает сомнения, автор не приводит прямых доказательств, ни верифицируемых аргументов в пользу авторства Панина, прямо говоря, что «невозможно ни точно назвать автора «Плана», ни исключить возможность коллективного составления текста» (с. 58). Тем более сам автор признает, что «реформаторские предложения Панина не были уникальными – скорее, они были частью процесса активного политического поиска, которым на рубеже 50-60-х гг. XVIII в. была захвачена значительная часть российской государственной элиты» (с. 95).

Глава пятая целиком посвящена критике Паниным системы управления Российской империи в проекте 1762 г., в основе которой лежало, по мнению Бугрова, «признание априорного превосходства единоличного управления над коллегиальным» (с. 69) и «обоснование необходимости полного контроля монарха над процессом законотворчества и принятия решений, средством которого и должен был стать Императорский совет» (с. 74). Данная позиция автора в целом противоречит давней историографической традиции, рассматривавшей панинский проект создания Совета и реформы Сената 1762 г. как попытку ограничения власти монарха, основанной на шведских образцах. Собственно опровержению этой мифологемы и посвящена *шестая глава* монографии, где автор показывает что «Совет» Панина был весьма далек от шведского Риксрода или английской системы ответственности министров перед «представительным органом», а скорее напоминал, по своим функциям и устройству, дореволюционный французский Королевский совет, на что в свое время указывал С. П. Покровский. Приходя к заключению, что «Императорский совет Панина не был предназначен для ограничения императорской власти ни на концептуально-теоретическом, ни на функционально-практическом уровне» (с.94), К. Д. Бугров при этом указывает на возможные источники мысли реформатора: с одной стороны это было «осмысление отечественной политической практики», с другой – очевидное влияние идеи «умеренной монархии», воспринятой Паниным через европейскую политическую литературу.

В *седьмой главе* автор рассматривает проект Императорского совета 1762 г. в контексте современных ему предложений по переустройству высших органов управления и затрагивает вопрос о том, почему же идеи Панина, несмотря на отсутствие каких-либо ограничительных тенденций, не получили своего воплощения в жизнь. Однако, автор не дает здесь однозначного ответа на этот вопрос, ограничиваясь замечанием о том, что на решение императрицы не открывать Совет, возможно, повлияли негативные мнения, высказанные в заметках А. Н. Вильбоа и А. П. Бестужева-Рюмина (с.106). При этом К. Д. Бугров все же допускает, что проект Панина предполагал «определенные элементы «сдерживания» самодержавной власти», но они были связаны не с ролью Совета, а «с принципиальным изменением положения Сената, «фундаментальными законами», а главное – с пониманием Н. И. Паниным самого феномена монархии» (с.117).

Собственно этой проблематике посвящена третья часть книги «Лексикон. «Двойной язык» представлений Н. И. Панина о власти», где автор дает нам

виртуозный, хотя далеко не бесспорный, анализ панинского политического «лексикона», точнее трех концептуальных групп, объединённых по словоупотреблению терминов господства («самодержавство», суверенитет, государь), лояльности («фундаментальной закон», судебная власть, «хранилище законов») и оппозиционности («нация», тирания). В *восьмой главе* К. Д. Бугров демонстрирует на примере концепта «самодержавство», что смыслы вкладываемые в этот термин, зависели от «политических стратегий тех или иных акторов» (с.124), которые употребляли его. Но, в целом в XVIII веке существовало минимум два варианта понимания «самодержавства», как формы правления (монархия) и как обозначения характера власти (суверенитет), оба варианта встречаются у Панина, который наделял монарха суверенной властью и сравнивал с властью Бога, но при этом, предписывал ему следовать «правилам непреложным» – фундаментальным законам. Рассмотрению содержания данного понятия посвящена *девятая глава*, в которой автор справедливо связывает рассуждения Панина о «непременных законах» с «дискурсом Монтескье» и его концепцией «умеренной монархии». В *десятой главе* показано, как Панин мог выйти за рамки этого «дискурса», говоря о тирании и праве нации на сопротивление в своем «Рассуждении о непременных государственных законах» 1783 г., следуя республиканской политической традиции Нового времени. При этом К. Д. Бугров обнаруживает значимые параллели между мыслями «Рассуждения» и положениями «Права народов» Э. де Ваттеля (1758), которые, несомненно, были хорошо знакомы Панину. Не менее интересны указания на возможное влияние на Панина идей Г. Болингброка. Но республиканский дискурс, по мнению автора, «на российской почве... начинал звучать на особый лад», он, скорее, был связан с задачами «обеспечения стабильности и легитимацией дворцового переворота», в котором принял участие сам Панин. Поэтому в тексте манифеста 6 июля 1762 г. и «Рассуждении о непременных законах» слышны тираноборческие, республиканские по своему характеру, мотивы. В этой же главе автор возвращается к вопросу о неудачах реформаторских планов Панина, находя их причины «не в объективном противоречии между «самодержавием» и ограничительными стремлениями части элиты, а в сложных контроверзах легитимации и политической механики беспрецедентного по своей нелегитимности дворцового переворота». Таким образом, идея Совета, приобретающего черты «соправительства», была чужда «новому языку легитимации... основанному на признании личных достоинств императрицы, а не ее законного права на трон» (с. 195).

В *Послесловии* К. Д. Бугров тезисно суммирует выводы своего исследования, заявляя что «абсолютизм Панина оказался вполне сочетаем с реформизмом». Панин признавал за монархом неограниченную власть, его проекты реформ должны были только упорядочить и стабилизировать систему управления империи. Императорский совет «был призван не ослабить, а усилить власть монарха». Однако, по мнению автора, «усиление власти монарха означало его «сдерживание», но эти элементы «сдерживания» касались не характера власти, а «способа ее реализации», что подразумевало наличие «фундаментальных законов», которые монарх «накладывает на себя сам». С точки зрения К. Д. Бугрова эти ограничения носили исключительно моралистический характер и зависели от воли монарха, он настойчиво отрицает их институциональный или правовой характер – «мораль, а не право определяет благотворный и законный характер царствования» (с. 199).

Подводя итоги, автор утверждает, что «конфликт, который сегодня может представляется столкновением между абсолютистскими и правовыми началами, в действительности должен восприниматься в первую очередь как личный конфликт между императрицей и ее влиятельным министром, естественным образом развивавшийся с течением времени» (с. 203). Соответственно он призывает пересмотреть место проектов Панина в истории российского конституционализма, поскольку «в концептуальном отношении» они противоречили «идеям верховников 1730 г.», полагая, при этом, что суть проектов Панина можно охарактеризовать тремя словами – они были «абсолютистские, реформаторские, моралистические». Абсолютная монархия выступает в этой триаде как инструмент проведения реформ, использовать ее в своих целях, а не разрушить или ограничить ее – вот истинная задача «придворного» реформатора, по мнению К. Д. Бугрова. При этом, основной составляющей риторики Н. И. Панина становится «моралистическая аргументация», прямо адресованная к монарху. Поэтому, как полагает автор, истинными наследниками Панина в XIX веке были не конституционалисты или либералы, а идеологи монархизма.

Завершая краткий обзор книги, хотелось бы отменить несомненные достоинства представленного исследования. К. Д. Бугров, пытаясь преодолеть традиционные схемы, сложившиеся в историографии панинских реформаторских проектов, берет на вооружение во многом новые для российской исторической науки, методы «кембриджской школы» и с успехом демонстрирует их возможности на практике. Детальный, тщательный и всесторонний анализ текстов Никиты Панина позволяет ему выявить и осмыслить ключевые политические понятия, используемые «придворным реформатором». Изучение лексикона Панина становится у него своеобразным переводом с языка XVIII века на современный политический язык. Автор делает значительный шаг к осознанию политических смыслов вкладываемых русским вельможей екатерининской эпохи в слова своих проектов. Наконец, К. Д. Бугров собрал и опубликовал в *Приложении* к своей книге практически все политические тексты Никиты Панина, сверив их с архивными оригиналами. Особую ценность представляет его публикация проекта 1762 г. об учреждении Императорского Совета и разделении Сената на департаменты. По сравнению со старой публикацией 1871 г.² историк точно передал язык оригинала, его орфографию и пунктуацию, правку и вставки, внесенные в первоначальный текст. Все это позволяет по новому взглянуть на известный текст и увидеть этапы работы Никиты Панина над проектом.

Но все же, несмотря на безусловные достоинства монографии, после ее прочтения остается множество вопросов. Основной вопрос, который возникает в ходе чтения книги, связан со значением слов и скрытых за ними понятий. К. Д. Бугров пытается раскрыть нам «лексикон» своего героя и в тоже время использует свой набор объяснительных терминов и понятий, которые не были известны Н. И. Панину, к примеру – республиканизм, абсолютизм, монархизм, морализм. Пытаясь избежать концептуальных анахронизмов, он, как кажется, часто сам попадает в пресловутую «ловушку слов». Что такое «абсолютизм Панина»? Что вообще понимается под «абсолютизмом» и «конституционализмом» в книге? Автор нигде

² Сб. РИО. Т.7. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве МИД. Т. 1 (1744-1765). СПб., 1871. С. 202-221.

прямо не говорит об этом. Противопоставляя все время данные понятия, настойчиво пытаюсь доказать, что Панин не был конституционалистом, а был абсолютистом, К. Д. Бугров не раскрывает нам смыслы, которые он вкладывает в эти понятия. Абсолютизм часто выступает здесь как эквивалент монархизма вообще, в то время как конституционализм, судя по характерным маркерам авторского описания, понимается не исторично, как либеральный конституционализм XIX века. Естественно, что ни Панин, ни даже Монтескье не подходят к этим критериям конституционализма, хотя бы потому что они не дожили до следующего века. Для французского просветителя, как и для русского вельможи, современная Россия выступала как «деспотическое правление» (или, следуя терминологии позднего «Рассуждения о непеременимых законах» это была страна с вовсе «истребившейся» формой правления). Соответственно деспотизму противопоставлялась «монархия», основанная не на воле деспота, пусть даже образца морали и добродетели, а на законе. Избежать «деспотизма» и укрепить «монархию» – означало ограничить «произвольную власть» правителя неизменными фундаментальными законами, причем у Монтескье, как и у Панина, эти законы основаны на конкретных юридически закрепленных правах сословий и институтах сдерживания, а не только на моральных обязательствах монарха. Не случайно позиция Панина по «дворянскому вопросу» оказалась не рассмотренной в книге, его сословные взгляды фактически не представлены, между тем Никита Иванович планомерно защищал идею дворянских прав и привилегий в «Комиссии о вольности дворянства» 1763 г.³, следуя идее Монтескье о дворянской «чести» как залого сохранения монархии от сползания к деспотизму. К. Д. Бугров несомненно прав, когда говорит что Панина все время занимал вопрос как упрочить «монархию» в России. Но только ли путь «морализма» ведет к этой цели? Социальный и юридический дискурс панинского монархизма сознательно уводиться автором на второй план и затемняется, фокусировка меняется. Однако справедливо ли это? Ведь Панин не использует исключительно моральные характеристики «монархии» и автор об этом прекрасно знает.

Авторская критика предшественников зачастую оборачивается некоторой односторонностью: пытаюсь снять дихотомии «законность-беззаконие», «власть-общество» или «конституционализм-деспотизм», автор заменяет их не менее банальным «морализмом», а объяснительная модель действий и поступков Панина иногда упрощается до личных взаимоотношений вельможи и императрицы. Показательна в этом отношении критика позиции Д. Рансела, который ошибается, по мнению автора, рассматривая «проекты и придворную борьбу как разные сферы» деятельности Панина, поскольку «именно практическая направленность проектов как инструментов придворной борьбы определяла их сложный, противоречивый характер» (с. 204). Почему Панин должен был не разделять теорию и практику не совсем ясно, тем более сам автор книги довольно много пишет о том, насколько идеалы екатерининского вельможи не соответствовали существующей российской политической реальности (к примеру, в пятой главе). Почему же тогда Панин не мог стремиться к изменению этой критикуемой реальности, тем более в «век Просвещения», когда подобные «преображения»

³ См.: Ransel D., *The Politics of Catherinian Russia*. С. 159-160; Троицкий С.М. Комиссия о вольности дворянства 1763 г. (К вопросу о борьбе дворянства с абсолютизмом за свои сословные права) // Россия в XVIII в. М., 1982. С. 140-191; Омельченко О.А. Императорское собрание 1763 г. (Комиссия о вольности дворянской). Исторический очерк. Документы. М., 2001.

происходили у всех на глазах? В связи с этим возникает еще один терминологический вопрос, как кажется, не раскрытый автором, что же такое «реформа» в его понимании и знакомо ли было это понятие Панину? Какими словами пытался обозначить его герой дух реформизма и саму реформу? К сожалению, это понятие не вошло в панинский «лексикон», исследуемый в третьей части книги, как и многие другие концепты, которые употребляет Никита Панин, например, понятие «публика», к которой он апеллирует наряду с монархом. Что подразумевал Панин под этим понятием, почему по его мнению «министр» должен быть ответственен не только перед монархом, но и перед «публикой»? Кто составлял эту панинскую «публику»? Эти вопросы остаются без прямого ответа. Однако следует надеяться, что путь, проложенный К. Д. Бугровым, с помощью относительно нового для России «навигационного инструмента историка» – методов «истории понятий» в исследовании российской политической мысли XVIII века, будет продолжен.